

О ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО «НИЧТО» (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ТРАКТАТА Ж.-П. САРТРА «БЫТИЕ И НИЧТО»)

Анализируются грамматические аспекты философского понятия «ничто» на примере перевода на русский язык трактата Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто». Проясняются лексические и метафизические нюансы данной языковой единицы, понимание которых позволяет существенно улучшить восприятие смыслов, содержащихся в ряде философских положений. Через разбор местоимений русского языка «нечто» и «ничто» в исследовании демонстрируется их контекстуальная связь с отрицательным «ничто» французского языка («néant» и «rien»), что делает возможным достичь более адекватного перевода.

Ключевые слова: местоимение; дейксис; отрицание; неопределенность; нечто; ничто; néant; rien; nothing; nothingness; перевод.

В данной статье будут рассмотрены грамматические и философские аспекты значения лексем «нечто» и «ничто» в связи с трудностями, которые возникают в случае необходимости точного их перевода с других языков. В частности, мы обратимся к нескольким сложным для понимания фрагментам философского трактата Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», позволяющим более наглядно увидеть сохраняющуюся актуальность данной проблематики. Использование данного труда в качестве иллюстративного материала оправданно также потому, что в отечественных исследованиях концепции французского мыслителя грамматической компоненте понятия «ничто» не уделено должного внимания. Вместе с тем это существенное упущение, устранение которого позволило бы не только лучше понять содержание идей Сартра, но также обратиться к философским смыслам, которые несут с собой местоимения русского языка «нечто» и «ничто».

В единственном на данный момент полном переводе трактата «Бытие и ничто», сделанном В.И. Коллядко [1], бросающиеся в глаза сомнительные для понимания тавтологические места, связанные с употреблением языковой формы «ничто». Когда обращаешься к первоисточнику, то подобная трудность во многом разрешается, так как французским философом используются два существительных – «néant» и «rien», которые в русском переводе уравниваются.

Вот одно из таких мест, где видна эта разница, игнорирование которой помимо всего прочего создает определенные сложности в понимании мысли Сартра:

«Ce rien envisagé n'aurait pas encore le sens du néant: une suspension de l'être qui resterait innommée, qui ne serait pas conscience de suspendre l'être, viendrait du dehors de la conscience et aurait pour effet de la couper en deux, en réintroduisant l'opacité au sein de cette lucidité absolue» [2. P. 63].

Русский переводчик предлагает следующее:

«Это рассматриваемое *ничего* еще не будет иметь смысла ничто: временное прекращение бытия, которое оставалось бы неназванным, которое не было бы сознанием приостановки бытия, пребывало бы вне сознания и имело бы следствием разрыв его на две части из-за введения непрозрачности в абсолютную прозрачность» [1. С. 65].

То же самое и в другом фрагменте:

«Ainsi la condition pour que la réalité-humaine puisse nier tout ou partie du monde, c'est qu'elle porte le néant en

elle comme le *rien* qui sépare son présent de tout son passé» [2. P. 63].

Перевод:

«Таким образом, условием для отрицания человеческой реальностью всего мира или его части и является то, чтобы она несла в себе ничто как *ничего*, что отделяет ее настоящее от всего ее прошлого» [1. С. 65].

Для сравнения, на английский язык приведенный выше фрагмент был переведен так:

«Thus the condition on which human reality can deny all or part of the world is that human reality carry nothingness within itself as the *nothing* which separates its present from all its past» [3. P. 28].

Мы видим, что с помощью суффикса -ness лучше, чем в русском переводе, оттеняется разница между двумя *ничто* (*rien* и *néant*), благодаря этому удается достичь большего приближения к тому содержанию, которое заключено во французском *néant*. И в самом деле, этимологическое рассмотрение суффикса -ness показывает, что он означает «не быть конкретным», т.е. что прибавление его к какому-то понятию обобщает, абстрагирует последнее. Этот суффикс мы обнаруживаем в различных вариантах германских языков¹, в которых он использовался именно «для выражения абстрактных понятий» [4. С. 268]. Словом *nothingness* за счет суффикса -ness производится обобщение, которое отсылает к *ничто как таковому*, оторванному от связи с существующей вообще вещью, поэтому оно представляет собой своего рода усиленное отрицание. Но и оно не является абсолютным, так как здесь производится отрицание *существования*, лежащего в основании *сущего*, т.е. данное слово предстает, по существу, в качестве двойного отрицания – не-не-то, которое при этом не становится утверждением «того», вещи, отвергнутой первым отрицанием, как это бы следовало с формально-логической точки зрения. Такое двойное отрицание выступает утверждением *иного* (существования), не являющегося существованием сущего, и отрицанием того бытия, которое относится к сущему, т.е. это такое небытие, которое не является абсолютным ничто, будучи тем, что пребывает в ином измерении, нежели бытие, поддерживающее сущее.

Однако существует затруднение, связанное с интерпретацией слова-оригинала «rien»², а не только с выбором соответствующего ему русскоязычного или англоязычного аналога. Мы вспомним лишь Шеллин-

га, согласно которому французское слово *rien* означает *чистое ничто*, и в греческом языке ему будет соответствовать *οὐκ ὄν* – «укон» (полное отрицание бытия), в то время как французское *néant*, по его мнению, означает *относительное ничто*, и оно согласуется с *μὴ ὄν* – «меон» [6. С. 284–285]³ (отсутствующее существование, или незаполненное существование, не данное вещным образом, поэтому-то в английском языке мы также имеем *nothing* – букв. *не-вещь*).

Стоит отметить, что относительно значений этих французских слов, и не только в рамках концепции Сартра, все обстоит прямо противоположным образом⁴, несмотря на то что для этого существуют свои основания. К примеру, применение Лейбницем слова *rien* для обозначения *абсолютного ничто* в его известном вопросе «Почему существует нечто, а не ничто» [9. Т. 1. С. 408]. Но Сартр, в отличие от Лейбница и Шеллинга, выбирает именно *néant* для обозначения почти что абсолютности отрицания, что вполне согласуется и с этимологией самого слова *néant* (отрицается вот-бытие, т.е. être). Что же касается *rien* (лат. – *rem* (аккузатив *res* ‘вещь’), т.е. отрицается бытие вещи, т.е. *res*), то оно как раз фигурирует больше в качестве относительного отрицания, применяемого к неодушевленным вещам.

Эта выявленная неоднозначность в использовании и истолковании указанных языковых форм побуждает произвести более тщательный разбор местоимений русского языка, чтобы с учетом этого анализа предложить хоть и не исчерпывающее, но все же герменевтически ориентирующее направление в поиске адекватного перевода этих лексических единиц французского языка.

XXX

Когда мы хотим раскрыть значение русских слов «нечто» и «ничто», мы обращаемся к анализу их происхождения. В этой связи на себя обращает внимание замечание С.Н. Булгакова, который полагал, что греческое *μὴ ὄν*, нередко приравниваемое к «ничто», следовало бы понимать, а возможно, и переводить⁵, как «нечто», что позволяло ему говорить и относительно гегелевского Божественного Ничто (Nichts) как о меональном ничто (см.: [11. С. 137–138]). Возникает вопрос, чем же можно объяснить такой неожиданный ход С. Н. Булгакова?

Для прояснения этого сначала стоит рассмотреть значения местоимения «что» – грамматическое и метафизическое.

1. В грамматическом отношении возможно допущение вопросительно-относительное местоимение «что» связать с указательным местоимением «то», или «этот», хотя обычно частицу *-то*, добавленную к самому местоимению *чь*, не наделяют лексическим значением. Так, например, если у Фасмера об этом аспекте сказано вскользь («Что... из праслав. *чь* “quid” в соединении с *то*, ср. р. от *тъ* (см. *тот*)»), то в современном источнике о нем говорится более прямо: «что» состоит из «сочетания вопросительного местоим. *чь и указательной частицы *то» [12. С. 529].

Указательное местоимение «то» («этот») обозначает определенное отношение воспринимающего к

некоему конкретному существу, что позволяет говорить об одной из различительных черт «этой группы – идентификации предмета указателем наглядности, сопровождающим акт речи, в котором содержится указатель лица; *это* есть объект, наглядно обозначаемый одновременно с протекающим актом речи, имплицитная же соотнесенность (например, лат. *hic* “этот (ближе ко мне)” в противопоставлении с *iste* “этот (ближе к тебе)” будет ассоциировать данный предмет с *я* и *ты*» [13. С. 287]. В общеславянском языке различие этих указательных местоимений передавалось через «сь» – этот, ближайший; и «ть» – тот, поблизости [14. С. 302]. Любопытно, что это праславянское *сь* все же сохраняется при своей трансформации посредством гачека в *сь*, что в древнерусском языке будет представлено как «*чь*» («quid»)⁶.

Крайняя значимость и необходимость таких указательных местоимений, имеющих «конкретно-референтный статус» [16. С. 210], состоит в том, что ими подчеркивается понятная (четкая) индивидуальность присутствующего. Слово *то-дейксиса*, казалось бы, «не привносит ничего живого, а лишь повторяет то, что уже передает жест. Но именно это и может оказаться заблуждением. Можно было бы сказать, что указательный звуковой знак соединяет пальцевой жест с именем *Hut* (рассматривается пример *dér Hut* “эта шляпа”. – *И.К.*) и тем самым делает целое правильным образованием. Можно было бы считать, что он способен играть роль посредника потому, что, с одной стороны, по материалу принадлежит вместе с именем к звуковым знакам и, с другой стороны – по функции вместе с жестом – к указательным знакам» [17. С. 82–83].

Также следует учесть и то, что указательное местоимение «*тот*» выступает в качестве относительно-го, что присуще местоимению «*что*», а это последнее в свою очередь в определенных контекстах оказывается синтагматическим дейксисом, или анафорой («*что*» вместо «*который*»: О ты, *что* в горести напрасно на Бога ропщешь, человек! – *М. Ломоносов*). Эта черта характерна для индоевропейских языков в целом, в которых «...вопросительное местоимение употреблялось как неопределенное. В некоторых из них, в том числе в латинском языке, это местоимение употреблялось и как относительное» [18. С. 91]. К нашему дальнейшему изложению будет иметь отношение и тот факт, что основные формы вопросительных местоимений французского языка унаследованы из латыни, где сочинительная связь может быть организована «ретроспективной направленностью относительного местоимения на антецедент. Выступая как анафора, местоимение *qui* приближается здесь к *указательному* местоимению текстовой ориентации» [Там же. С. 103] (курсив наш. – *И.К.*).

Нашей реконструкции логики связи «*чь*» с «*ть*» будет в большей мере созвучен замечательный лингвистический анализ Ф.И. Буслаева. Во-первых, он отмечает, что «*ч* – смягченное *к* или *т*... *Т* сближается с *к* через *ч*, *ц*, в которые изменяются и *т*, и *к*» [19. С. 210, 213]. Это позволяет нам предположить, что мягкость «*ч*» является своеобразным «изъятием» твердости «*т*», привнесением сомнения в «*то*», сбли-

жая его с неопределенностью «нечто» и позволяя «ть» («то») преобразоваться в вопросительную форму. Здесь фонема «т» оказывается диалектически раздвоенной, неся в себе как утвердительность собственной силы бытия, так и мягкость, зыбкость, неуверенность, способные приводить к вопросу и к необходимости удостоверения в собственной твердости: «Хотя *т* может быть произнесен с такою же силою, как и *к*, но он заключает в себе нечто твердое и не вырывается из горла, как *к*, а твердо выговаривается: и потому он более способен к спокойному, положительному, указывающему ответу. *К* спрашивает, ищет, зовет; *т* указывает, находит, отвечает. ...От умягчения звук *к* переходит в придыхательное *ч*: *к-го*, *ч-его*, *к-ой*, *ч-ей*...» [19. С. 230–231]. Еще раз отметим, что как в старофранцузском вопросительное местоимение *lequel* «могло быть... эквивалентно по своему значению указательному прилагательному» [20. С. 306], так и в русском языке местоимение «что» также может выступать в качестве указательного «в сочетании с частицей “вот” для уточнения, разъяснения высказывания, соответствуя по значению словам “именно это”, “следующее”» [21. Т. 17. – статья *что*]⁷.

Рассмотрение неопределенных местоимений в первую очередь заставляет нас обратить внимание на полемическое заострение вопроса определения существа местоимений «кто» и «что». Известны случаи, когда неопределенные местоимения «кто-нибудь», «кто-либо», «что-нибудь», «что-либо», «какой-нибудь» и «какой-либо» представляются как выполняющие «основную функцию местоимений – указательную» [22. С. 15], так как они указывают либо на неопределенное лицо, неопределенность которого обычно переключает основное внимание не на лицо, а на действие, факт, либо на «неизвестный, неопределенный субъект или объект действия» [Там же. С. 16], либо «на неопределенность признака или предмета» [Там же. С. 17]. Нам представляется, в свете сказанного выше, что подобное понимание неопределенных местоимений является допустимым, однако данные соображения сталкиваются с весьма категорическими возражениями: «Мы не можем согласиться с высказываниями И. Червенковой, что местоимения *кто-нибудь* и *кто-либо* выражают указательность. *Кто* и *что* указательными местоимениями никогда не были» [23. С. 21–22]. Даже если в целом и существуют основания для подобного заключения, мы полагаем, что такая категоричность авторитетного исследователя не вполне оправдана хотя бы потому, что местоимения «кто» и «что» являются также местоимениями относительными – например, в значении «который», сопоставимом со значением «тот»: *Блажен, кто к злым в совет не ходит* (Ломоносов). Произведенная переподстановка даст: *Блажен тот, не ходящий ко злым на совет*. Как было сказано ранее, об этом же свидетельствуют и вопросительные местоимения французского языка, унаследованные из латыни. И если мы не отрицаем, что местоимения «кто» и «что» содержат в себе указательный момент дейктической частицы «то», то в таком случае местоимение «кто-нибудь» может быть представлено следующим образом: (к)тони(будь), т.е. *то* (конкретно определенное) не быть

(не является) таковым, а это, на наш взгляд, будет соответствовать утверждению, что «в неопределенном местоимении *кто-нибудь* выражается неопределенность лица из ряда подобных, но безразличных по выбору» [Там же. С. 20].

Приняв во внимание, что «старое вопросительное местоимение, представленное славянским *къто*, *чьто*, подобно индоевропейскому обыкновению, ничем не отличается от неопределенного» [24. С. 383], с одной стороны, можно сказать, что в рамках современного русского языка буква «ч» местоимения «что» (которое входит в состав неопределенного местоимения «нечто») обнаруживает своего рода излишество, поэтому неопределенность местоимения «нечто» можно выразить через отрицание указательного местоимения «то» – «не-то». Однако, с другой стороны, «ч», представляемое как смягчение утвердительности указания, тем самым ставя его под вопрос, в некотором смысле оказывается вполне уместной в «нечто», так как вносит в неопределенность, образованную через частицу «не», как бы второе отрицание, придающее «нечто» статус утверждения о некоем существовании, именно неопределенном, лишенном конкретности в указании на него.

Другой факт существования неопределенного местоимения «нечто» связан с частицей «не». Надо заметить, что в древнерусском языке «не» в составе данного местоимения являлось приставкой, имея сравнительное значение – «около», «приблизительно», т.е. не было соотносено с отрицательной частицей «не-». Однако не следует игнорировать и то, что «неотрицание и не-сравнение целесообразно не отрывать этимологически друг от друга (как см. Фасмер III, 52–53: *не* I, *не* II)» [25. С. 93]. И у самого Фасмера сделана оговорка при этимологическом рассмотрении местоимения «некий», что «в *пѣ- видят удлинненную степень отрицания не-» [26. С. 59].

В русском языке наличие отрицательной частицы «не» в большей степени подчеркивает неизвестность для нас того сущего, о котором ведется речь, в отличие, например, от греческого «*τί*», которое, помимо неопределенности («что-нибудь», «какое-нибудь»), одновременно выступает и в качестве вопросительного местоимения («что»⁸, «которое»), т.е. как бы нашим умозрением удерживающим в поле зрения и понимания все же определенное «то», по поводу которого задается вопрос. Также «нечто» не является вопросительным местоимением, и взятое вне различных контекстов, благодаря которым степень его определенности варьируется (позволяя включать его наряду с другими местоимениями в группу слабоопределенных местоимений (см.: [16. С. 210]), будет не совсем тем, что налицо. Оно предстает отрицанием очевидной и подразумеваемой, как известной, данности сущего. Отсюда проистекает возможность посредством местоимения «нечто» производить обобщение.

Неопределенность «нечто» является указанием на вообще существование того, что есть явно и определенно: «Самый общий род, под коим стоят все существительные, есть бытие или нечто: первое происходит от глагола *быть*, второе местоимение. ...Все существительные являются ближайшим и частнейшим

определением местоимения *нечто*... Потому всякий предмет, нам неизвестный или не хорошо нами рассмотренный, мы называем *нечто*... Говорящий или не знает предмета, свойства, количества и спрашивает об оных: *кто, что, какой, который, сколько?* Или оставляет свое неведение без вопроса: *нечто, какой-то, некторый*. Или является равнодушен к предмету речи: *что-нибудь, какой-нибудь*, т.е. для него все равно, то или другое, тот или другой. Или отрицает: *никто, никакой, некторый*. Или указывает и притом на ближайшее от него: *сей*, на отдаленнейшее: *тотъ*. Или сильнее определяет указанное: *этотъ самый, я самъ*. Или связывает два предложения: *не знаю, что завтра будетъ*. ...К местоимению, как к средоточию, сходятся все части речи и пользуются его служением. ...Разговор между лицами идет вопросами и ответами: отсюда самый естественный переход от местоимений личных к вопросительным и указательным. Живое разговорное начало удержалось и в связи предложения придаточного с главным местоимениями *то – что, тот – кто, такой – какой*, из коих первые указательные, последние вопросительные. Как вопрос стоит в зависимости от ответа, так и придаточное предложение от главного» [19. С. 235–236]. Дополнительным оттенком того, что составным «что» является указательное местоимение «тот», отсылающее к конкретному существу, будет не только пространственная, но также и временная характеристика – «то» и «это» связываются с отдаленностью и близостью, как пространственной, так и временной, что еще более явственно обнаруживается в латыни, где слову *hic* присуще среди других значение «теперь», «ныне».

Таким образом, мы считаем допустимым значение «нечто» расшифровать просто как «не то», т.е. как утверждение отрицания какого-то отчетливо понимаемого единичного сущего⁹. И с этого ракурса мы косвенно получаем возможность увязывать неопределенность местоимения «нечто» с важнейшими философскими понятиями.

Если неопределенные местоимения «выделить в группу “о п р е д е л и м о неопределенных”, так как здесь наряду со значением неопределенности имеется оттенок п о т е н ц и а л ь н о й определенности, или “определимости”» [27. С. 157], то не появляется ли у нас возможность заключать, что «нечто» через значения потенциальности и определенной неопределенности может быть соотносено с платоновской хорой, аристотелевской перво*материей* или даже меоном? Ведь именно хора, являясь «как бы в грезах», нам «кажется то ни тем ни другим, то и тем и другим сразу» [28. С. 138], т.е. оказывается для нас чем-то неопределимым, определенной неопределенностью, и именно *только* ее, в своей сущности вечную и неизменную, «мы вправе называть словом “это” и “нечто”» [29. С. 102], в то время как все остальные «видимые вещи, несмотря на кажущуюся “существенность”, представляют собой не что иное как качества этого субстрата» [29. С. 102], по существу, репрезентируя это единственное «нечто».

Вместе с тем, так как хора не является ни чувственным, ни умопостигаемым родом, она *отчасти*

пересекается в определениях с меоном, которое есть «субстрат всякого телесного возникновения, начало пространственности, недоступное ни ощущению, ни мышлению, ни воображению, – это, собственно, и есть ничто, противоположность бытию, “небытие” как таковое...» [Там же. С. 90]. В самом деле, здесь налицо формальное, метонимическое совпадение, хотя в плане значений между данными понятиями, конечно, существуют характерные различия, что и передает неопределенное местоимение «нечто». Однако эту формальную сторону не следует считать чем-то случайным или казусным, наподобие омонимичных совпадений, наоборот, можно сказать, что за этим все же стоит некое структурное тождество¹⁰. Именно это, как мы полагаем, позволяет ряду исследователей оправданно не соглашаться «с тем, что *хώρα* Платона и *ὕλη* Аристотеля противоположны друг другу» [Там же. С. 120], утверждая вместе с этим и то, что если «строго говоря, материя не существует», то «она – *τὸ μὴ ὂν*, ничто¹¹. Если благо – “по ту сторону бытия”, то материя – по ту стороной бытия снизу» [Там же. С. 194].

Здесь вдобавок мы обнаруживаем метонимическое подобие и совпадение в определениях формы и материи, которые зеркально отражаются друг в друге, но с соответствующим этому явлению эффектом – переворотом, оборачиванием всех значений при сохранении общих характеристик: «И пустое пространство, и заполненное пространство, и психическая деятельность – все это есть вещи и вещи, в то время как эйдос есть не вещь, но смысл, и “материя” есть не вещь, но смысл, и становящееся есть не вещь, но смысл. ...И поэтому пространство не есть какой-то абсолюту, дуалистически противостоящий другому абсолюту – эйдосу и числу, но – один из результатов алогического оформления, или становления, эйдоса... Материя и идея – абсолютно одно и то же... Материя есть неопределенность и абсолютная инаковость эйдоса» [30. С. 246–247, 391]¹².

«Ничто» и «нечто» в русском контексте связано с «что», которое может осмысляться в качестве сущности, общей сущности: «Когда мы спрашиваем *кто* или *что*, мы не называем никакого предмета (да и не знаем его, иначе не спрашивали бы), а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как п р е д м е т , а не как качество или действие. Значит, в этих словах выступают не сами предметы, а как бы одна чистая предметность, чистая “существительность”, это идеальные существительные» [27. С. 73]. Однако важно иметь в виду, что хотя «обычно “чтойность” относится к общим понятиям... иногда Аристотель отождествляет ее с “наличным что”. Поздней схоластике пришлось изобрести для конкретно-единичного термин “этость” (“*haecceitas*”)» [33. С. 262]. Такого рода словоупотребление по поводу первой аристотелевской сущности (чтойность вещи как то, на что можно указать) опять-таки согласуется с нашей позицией о местоимении «что» как имеющем помимо прочего указательное значение.

Поэтому когда говорится о вещи как о *нечто*, приращение к «*что*» частицы «*не*», с одной стороны, это позволяет выразить то, что вещь сама по себе не является простой трансляцией общей сущности, выражае-

мой категориями, что она неспособна быть представлена в отрыве от первой аристотелевской сущности, конкретной единичности (этовости); с другой стороны, одновременно позволяет подчеркнуть утрату вещи ее определенности, конкретности, т.е. все же указать на некую ее абстрактность («вообще что-то», но все же именно *что-то*, т.е. конкретно-единичное, хотя и неопределенно схваченное). В отношении такого отрицания есть все основания сказать, что оно «выходит из начала положительного и его предполагает» [19. С. 228].

Когда же говорится о «*ничто*», то через усиление отрицания «что» с помощью частицы «ни» указывается на то, что нет даже носителя сущности, а именно – вещи, т.е. сущность вообще ничем и никем не представлена, она не явлена. Таким образом, *ничто* – это указание на «не-вещь». Поэтому и в анализе пропозиционального содержания Дж. Лайонза мы находим подобную характеристику: «Наиболее существенное различие между отрицательными предложениями (“Никто не звонил по телефону” и “Джон не звонил по телефону”. – И.К.)... заключается в том, что последнее (когда оно используется для того, чтобы сделать утверждение) связано с конкретным видом **пресуппозиции существования**. Иными словами, оно передает пресуппозицию говорящего, что существует некоторая сущность, которая может быть правильно обозначена выражением ‘John’. В то же время употребления слов ‘nobody’ ‘никто’, ‘nothing’ ‘ничто’ и т.д. не связаны с пресуппозициями существования» [34. С. 188].

Следует заметить, что различные описания существа парменидовской мысли о едином бытии¹³ вполне могут быть соотнесены со словарными характеристиками местоимения «ничто»: лишенное всякого значения, безразличное, несущественное, бессодержательное, пустое (см. [21. Т. 7] – статья *ничто*, *ничтожество*), не заслуживающее внимания (см. [36. Т. 1] – статья *ничтожный*). Любопытно, что такого же отношения со стороны непритязательного, философски равнодушного обывателя удостоивается классическая категория «бытия», она оказывается вне поля нашего повседневного внимания. Для человека повседневности такой категории, как и категории «ничто», вовсе нет или для него она не имеет равным счетом никакого значения в качестве предмета его интеллектуальной и душевной заботы. При таком подходе оправданно сказать, что *бытие* – это не «что» (в смысле не нечто единично сущее) и не «что» (в смысле не что-то общее, сущностное), оно ни то ни другое, т.е. оно *ничто*.

***

Итак, исходя из проведенного анализа, можно вернуться к трактату Сартра и к пониманию тех сложностей, с которыми пришлось столкнуться переводчику, когда словесный арсенал конкретного языка оказался ограниченнее другого. Для Сартра слова «néant» и «rien» не являются ни синонимами, ни выразителями одного и того же смысла, скрытого за ними. Поэтому

в случае с переводом слова *rien* более точным ему русским эквивалентом было бы местоимение «нечто»¹⁴ в том смысле, о котором уже было сказано выше. Это будет расходиться с привычно принятыми правилами перевода, которые построены на прямолинейной отсылке к значению французского «ничто», но это не будет наносить ущерба имеющимся в тексте смысловым и этимологическим оттенкам.

В современном русском языке местоимение «нечто», возведенное к «не-то», так же как *rien* и *nothing*, может быть представлено как «не-сущее», т.е. не какое-то существующее в наличном бытии известное нам конкретное индивидуальное сущее, а неопределенное сущее, неизвестное нам «что», и в этом смысле несуществующее, но вместе с тем все же существующее. Рассмотрение неопределенного местоимения «нечто» показывает особенность как бы поэтапного процесса отрицания сущего и его существования. Сначала через букву «ч», вводящую аспект сомнения, производится как бы первое отрицание – отрицается конкретное, указанное данное сущее: ч-то = не-то, т.е. то, чего здесь нет, но оно *вообще* все же есть. Поэтому для подтверждения этого существования применяется второе уже явное «не», второе отрицание, которое как бы утверждает это «то» как существующее *вообще*, благодаря чему, через двойное отрицание, мы получаем утверждение неопределенного существования – «нечто». Когда же мы используем усиленную отрицательную частицу «ни», то в этом случае происходит отрицание самого существования как типа существования сущего. Однако и такое отрицание не означает абсолютного отрицания бытия. Это отрицание того бытия, которое присуще сущему, поэтому оно – небытие сущего, ничто.

Безусловно, здесь нам можно сделать упрек в допущенной вольности, ибо лежащие на поверхности значения неопределенного местоимения «нечто» и отрицательного существительного «не-сущее» существенно различаются между собой: в первом случае явно говорится о чем-то существующем, а во втором – о лишенности определенного существования. Однако мы руководствовались задачей понять и объяснить то, что не может отразить в полной мере перевод, а именно то, что Сартр не случайно использует разные местоимения «ничто» («néant» и «rien»), позволяющие ему раскрывать существо вопроса о *ничто*. Решимости на такую вольность нам придают соображения Витторе Пизани, согласно которому оправданно стремиться сохранить живое говорение самого слова, исходя из его звучания, сопровождаемое одновременно доходчивым пониманием (значения, наглядности), что свойственно народной этимологии, в которой слово «из слова номинативного типа, этикетки, не вызывающей никаких представлений... становится словом описательным, которым не просто обозначается определенный цветок, но цветок, который “украшает посиделки”» [37. С. 129].

Именно в таком методологическом подходе заключено основание для предложенной нами реконструкции вопросительно-относительного местоимения «что», а на его основе – местоимений «нечто» и «ничто».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Suffix of action, quality or state, attached to an adjective or past participle to form a noun, from O.E. -nes(s), a general West Germanic suffix, cf. M.Du. -nisse, O.H.G. -nissa, Ger. -nis, Goth. -inassus» – <http://www.etymonline.com> (28.01.2012).
- ² Емкое и содержательное освящение этих трудностей дано в [5].
- ³ Относительно греческих терминов похожей позиции придерживался А.Ф. Лосев: «Весьма интересен платоновский термин *to mē on*, который он отличает от термина *to ouc on*. Это последнее “укон” есть просто отсутствие чего-нибудь в абсолютном смысле слова; “мэон” же не есть просто отсутствие, но отсутствие с возможностью присутствия» [7. С. 573].
- ⁴ См. статьи *Rien* и *Neant* в: [8. Р. 368, 469].
- ⁵ «Сбой русского языка: вместо не-что ни-что, – особенно озадачивал С. Булгакова» [10. С. 77].
- ⁶ К этому же можно отнести и другой взгляд на происхождение «этих местоимений: *кь-(ко-)* восходит к основному *к^о-*, а *сь-(че-)* – к основному *к^е-*, *к^и-*: слав. *къто* – др.-инд. *kāh* (“кто?”), женск. р. др.-инд. *kā*, лит. *kās*, женск. р. лит. *kā*, лат. *quae* (из *qua-i*); слав. *ѣто* (только средн. рода) – лат. *quis, quid*, хет. *kuiš, kuit*.
В славянских группах доисторического времени произошло иное распределение этих основ сравнительно с судьбой их в других индоевропейских языках. У славян местоимения с основой *ко-* (*къто, кого...*) стали относиться к лицам, а с основой *че-* (*ѣто, чесо...*) – к вещам. Для именительного падежа местоимения в виде *кь, съ* были недостаточно полными: они получили распространение посредством местоименного элемента *-то*: *къто, ѣто*. Но *сь* сохранилось в сочетании с *же* и с отрицанием *ни*: *нисьже, ст.-сл. ничьже*. По славянским группам удержалось *сь* и с отрицанием *ни*, без частицы *же*: *нись*. Старочешский и словинский языки указывают на такое местоимение. Без распространения посредством *-то* это местоимение могло быть в сочетании с предлогами: *па-сь, за-сь* и др. Ср. в чешском, польском *za-č, pro-č, v-ni-ve-č* – в ничто, в слове *па-сь, ni-vo-č*» [15. Ч. 2. С. 121].
- ⁷ Интересна еще одна любопытная особенность – синонимичность местоимения «нечто» местоимению «что-то». Этот факт можно проинтерпретировать как вариант привнесения аспекта сомнительности в местоимение «то» посредством соединения «что» с частицей «то», относящейся к указательному местоимению, в результате чего уже явно, более отчетливо и дифференцированно «то» ставится как бы под вопрос и тем самым становится неопределенным. Этот же аспект сомнительности (так же, как при соединении «чь» с «ть») проявляется и в самом местоимении «что» в риторических вопросах и восклицаниях, когда оно соответствует отрицательным местоимениям «ничто» и «ничего».
- ⁸ Отметим здесь, что М. Фасмер указывает на родственность праславянского *сь греческому *tí*.
- ⁹ «Отличительное свойство неопределенных местоимений состоит в том, что они означают неизвестное бытие как особое существо...» [23. С. 14].
- ¹⁰ «...Пространство античного космоса, будучи само по себе неоднородным, имеет вполне определенную структуру, зависящую от эйдоса, выражением которого является космос» [30. С. 248].
- ¹¹ На наш взгляд, было бы более точно сказать *не-сущее*, как это делает А.Ф. Лосев: «...если она (материя. – И.К.) не есть что-нибудь из того, что в ней возникает, а это все есть сущее, то она должна быть *не-сущим* (*μὴ ὄν*)» [30. С. 314]. Причем «не-сущее (*μὴ ὄν*) есть нечто сущее и тождественное с лишенностью...» [31. С. 371].
- ¹² На наш взгляд, отчасти противоположное утверждение, которое мы, например, находим у Дж. Батлер, будет, тем не менее, означать ровно-версальность применяемости никогда и никоим образом не должна походить на те вечные сущности (*eidōs*), которые в “Тимее” служат прототипом универсальных форм и которые входят в восприимчивую. Здесь мы имеем запрет на сходство (*mimēta*), а это значит, что нельзя говорить о том, что эта природа подобна вечным Формам или же их материальным, чувственным или воображаемым копиям» [32. Р. 40].
- ¹³ «Единое сущее бытие – *ἓν τὸ ὄν* – безразлично ко всяческим различиям всех существующих – *πάντα τὰ ὄντα*. ...Без-различное (одинаковое для всего) бытие не есть ничто (не “что”) из различного сущего (из существующих “что”); бытие не есть ни *сумма* существ, ни *обобщенное* существо (ни общий “род”, ни пустое “обобщение”), ни *высшее* существо. ...Бытие в общем и целом где-то там за горизонтом...» [35. С. 619–620].
- ¹⁴ Например, на вопрос «Что-то не так?» мы можем ответить: «Все так». Во французском языке это «все так» и может передаваться с помощью *rien* (также можно это передать наподобие «ничего, все нормально»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
2. *Sartre, Jean-Paul.* L'être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943.
3. *Sartre, Jean-Paul.* Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology. London, Taylor & Francis, 1969.
4. *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. М., 1948.
5. *Нехорошикова Т.П.* Иерархический принцип организации лексики и роль диахронических методов в ее исследовании // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения : материалы Междунар. науч.-метод. конф. Уфа, 2013.
6. *Schellings F.W.J.* Darstellung des philosophischen Empirismus // Schellings F.W.J. Gämmtliche Werke. 1833–1850. Abtheilung, X. Stuttgart und Augsburg. 1861. Bd. 1.
7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1994.
8. *Dictionnaire étymologique de la langue française: par Auguste Brachet.* Paris, 1870.
9. *Лейбниц Г.-В.* Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г.-В. Соч. : в 4 т. М., 1982.
10. *Кувакин В.А.* Личная метафизика надежды и удивления. М., 1993.
11. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
12. *Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапашников : в 2 т. М., 2010. Т. 2.*
13. *Бенвенист Э.* Природа местоимений // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
14. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М., 1965.
15. *Селищев А.М.* Старославянский язык. М., 1952.
16. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
17. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2001.
18. *Сабанеева М.К., Щерба Г.М.* Историческая грамматика французского языка. Л., 1990.
19. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М., 1992.
20. *История французского языка / под ред. Н.А. Катагощиной и др. М., 1963.*
21. *Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. Ф.П. Филина и др. М. ; Л., 1948–1965.*
22. *Червенкова И.* Неопределенные местоимения на *-нибудь* и *-либо* // Русский язык в школе. 1961. № 2.
23. *Галкина-Федорук Е.М.* Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями. М., 1963.
24. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 2001.
25. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 24 / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1997.*
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб., 1996. Т. 3.

27. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
28. Деррида Ж. Хора // Деррида Ж. Эссе об имени. СПб., 1998.
29. Бородай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М., 2008.
30. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993.
31. Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб., 1995. (О материи (II 4, 16). Пер. А.Ф. Лосева).
32. Judith P. Butler. Bodies that matter, on the discursive limits of «sex». Routledge, New York & London, 1993.
33. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004.
34. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003.
35. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007.
36. Словарь Церковно-славянского и русского языка. Санкт-Петербург, 1847.
37. Лизани В. Этимология. История – Проблемы – Метод. М., 1956.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 09 февраля 2015 г.

ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING NEGATIVE "NOTHINGNESS" IN THE TRANSLATION OF J.-P. SARTRE'S TREATISE *BEING AND NOTHINGNESS*

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 67-74. DOI 10.17223/15617793/393/10

Kuzin Ivan V. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: iaffet@newmail.ru

Keywords: pronoun; deixis; negation; uncertainty; something; nothingness; nothing; néant; rien; translation.

This paper analyzes the grammatical aspects of the philosophical concept "nothingness" on the example of the Russian translation of J.-P. Sartre's *Being and Nothingness*. Lexical and metaphysical nuances of this language unit are clarified. This allows to significantly improve perception of the meanings in a number of philosophical provisions. By comparative consideration of Russian pronouns "something" and "nothingness", a possibility of their contextual connection with negative French "nothingness" ("rien" and "néant") is shown. The found ambiguity of senses allows to correct the appearing difficulties of the translation. In particular, in research it is noted that the available Russian translation of the French lexeme "nothingness" is not always accurate, i.e. it is incorrect to translate two French words "néant" and "rien" by the lexeme "nothingness". The same is true in case of English and German translations. In the context of Russian grammar and etymology an interrogative-relative pronoun "what" can be connected with the deixis "this", which allows to decipher the lexeme "something" simply as "not this", i.e. as the affirmation of a negation of any distinctly understood single existing. Such an understanding allows to establish connection of the Russian lexeme "something" with classical philosophical concepts, such, for example, as a primary substratum or meon. As a result, when a thing is spoken about as "something", addition of particle "not" to "what", on the one hand, allows to express that the thing in itself is not a simple translation of the general essence expressed by categories, that it cannot be presented separately from Aristotle's primary substance, a concrete singularity; on the other hand, it simultaneously allows to emphasize the loss by a thing of its definiteness, concreteness, i.e. nevertheless to point to its certain abstractness ("in general something", but nevertheless "something", i.e. concrete and single, though indefinite). When speaking about "nothingness", stronger negation of "what" by means of the particle "no" specifies that there is even no bearer of essence, namely, a thing, i.e. essence is not generally represented by anything and anybody, it is not shown. Thus, nothingness is indication of a "non-thing". As a result of the linguistic specifications, it becomes clear that, according to the established semantic nuances which comprise the French lexemes of "néant" and "rien", these words should not be translated into Russian by means of one lexeme "nothingness". A more exact translation of the word "rien" into Russian is by the pronoun "something" understood as "not-existing". The analysis of the indefinite pronoun "something" shows the stage-by-stage process of negation of a thing and its existence. Thus, when translation from French into Russian it becomes more clear that Sartre used two different pronouns of "nothingness" ("néant" and "rien") on purpose.

REFERENCES

1. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: Experience of phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ., 2000. 639 p.
2. Sartre J.-P. *L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique*. Paris: Gallimard, 1943.
3. Sartre J.-P. *Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology*. London, Taylor & Francis, 1969.
4. Zhirmunskiy V.M. *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German language]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1948. 300 p.
5. Nekhoroshkova T.P. Ierarkhicheskiy printsip organizatsii leksiki i rol' diakhronicheskikh metodov v ee issledovanii [Hierarchical principle of vocabulary organization and the role of diachronic methods in its study]. *Mezhkul'turnaya – intrakul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika obucheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Intercultural – intracultural communication: theory and practice of learning: proceedings of the International Scientific Conference]. Ufa, 2013. (In Russian).
6. Schelling F.W.J. *Darstellung des philosophischen Empirismus*. In: Schellings F.W.J. *Gämmtliche Werke. 1833–1850*. Abtheilung, X. Stuttgart und Augsburg, 1861. Bd. 1.
7. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Moscow: Ladomir Publ., 1994. 715 p.
8. Auguste Brachet. *Dictionnaire étymologique de la langue française*. Paris, 1870.
9. Leibniz G. W. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. Vol. 1, pp. 404–413.
10. Kuvakin V.A. *Lichnaya metafizika nadezhdy i udivleniya* [Personal metaphysics of hope and wonder]. Moscow: Koffi Publ., 1993. 224 p.
11. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading light: contemplation and meditation]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 414 p.
12. Shaposhnikov A.K. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [The etymological dictionary of modern Russian: in 2 v.]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2010. Vol. 2, 576 p.

13. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Translated from French by Yu.N. Karaulov. Moscow: Progress Publ., 1974, pp. 285–292.
14. Budagov R.A. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1965. 492 p.
15. Selishchev A.M. *Staroslavianskiy yazyk* [Old Slavonic language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1952. Pt. 2, 205 p.
16. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Statement and its relation to reality (referential aspects of semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 271 p.
17. Bühler K. *Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka* [*Theory of Language: The Representational Function of Language*]. Translated from German. Moscow: Progress Publ., 2001. 528 p.
18. Sabaneeva M.K., Shcherba G.M. *Istoricheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Historical grammar of the French language]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1990. 270 p.
19. Buslaev F.I. *Prepodavanie otechestvennogo yazyka* [Teaching the national language]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1992. 512 p.
20. Katagoshchina N.A. et al. (eds.) *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1963. 447 p.
21. Filin F.P. et al. (eds.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 v.]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1948–1965.
22. Chervenkova I. Neopredelennye mestoimeniya na -nibud' i -libo [Indefinite pronouns ending with -nibud' and -libo]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1961, no. 2.
23. Galkina-Fedoruk E.M. *Vyrazhenie neopredelennosti v russkom yazyke neopredelennymi mestoimeniyami i narechiyami* [Expression of uncertainty in Russian using indefinite pronouns and adverbs]. Moscow: Moscow State University Publ., 1963. 45 p.
24. Meillet A. *Obshcheslavianskiy yazyk* [Common Slavic language]. Moscow: Progress Publ., 2001. 500 p.
25. Trubachev O.N. (ed.) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Moscow, 1997. Is. 24.
26. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian language: in 4 v.]. St. Petersburg: Azbuka-Terra Publ., 1996. Vol. 3, 828 p.
27. Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific terms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 544 p.
28. Derrida J. *Esse ob imeni* [Essays on the name]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998, pp. 135–185.
29. Boroday T.Yu. *Rozhdenie filosofskogo ponyatiya. Bog i materiya v dialogakh Platona* [Birth of philosophical concepts. God and matter in the dialogues of Plato]. Moscow: Izdatel' Savin S.A. Publ., 2008. 288 p.
30. Losev A.F. *Bytie – imya – kosmos* [Genesis – name – cosmos]. Moscow: Mysl' Publ., 1993.
31. Plotinus. *Sochineniya. Plotin v russkikh perevodakh* [Works. Plotinus in Russian translations]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1995.
32. Judith P. Butler. *Bodies that matter; on the discursive limits of "sex"*. Routledge, New York & London, 1993.
33. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2004. 176 p.
34. Lyons J. *Lingvisticheskaya semantika: Vvedenie* [Linguistic Semantics: An Introduction]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 400 p.
35. Akhutin A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient origin of philosophy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 784 p.
36. *Slovar' Tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language]. In 4 v. St. Petersburg, 1847.
37. Pisani V. *Etimologiya. Istoriya – Problemy – Metod* [Etymology. History – Problems – Method]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1956. 186 p.

Received: 09 February 2015